

О ЗАПИСКАХЪ ГРАФА НИКОЛАЯ ЕГОРОВИЧА КОМАРОВСКАГО.

Изданіи Общества ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Москва, 1912. Больш. 8^о, 112 стр., съ превосходнымъ портретомъ.

Графъ Н. Е. Комаровскій родился въ 1845 году. На послѣдней страницѣ его Записокъ означено „25 Марта 1905 г. С.-Петербургъ“, а 8 Августа того же года онъ скончался въ Виллахъ (въ Каринтіи) вслѣдствіе неудачной операціи. Предъ отъѣздомъ въ чужіе края, какъ бы предчувствуя кончину, онъ отдалъ эти Записки въ распоряженіе Общества ревнителей, коего былъ членомъ.

Дѣдомъ его былъ графъ Евграфъ Федотовичъ (котораго Записки помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 и 1877 г.г. и въ первой книгѣ сборника „Оснадцатый Вѣкъ“; отцомъ—другъ И. В. Кирѣевскаго, а матерью—сестра поэта Веневитинова. Въ Запискахъ графа Николая Егоровича много любопытнаго о семьѣ Веневитиновыхъ *). Между прочимъ узнаёмъ, что родители поэта, встревоженные пылкою страстію его къ княгинѣ Зинаидѣ Волконской, перевели его на службу въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ захваченъ и хотя на другой же день выпущенъ на свободу, но ночи, проведенной въ сыромъ казематѣ Петропавловской крѣпости, не выдержало его здоровье и безъ того потрясенное нравственнымъ волненіемъ несчастной любви. Тифъ явился послѣдствіемъ злосчастнаго ареста, и Дмитрій Владимировичъ, всего на 22 году отъ рожденія, скончался 15 Марта 1827 года. Долго, долго потомъ, еще въ нашу молодость, друзья его, Хомяковъ, Шевыревъ, Погодинъ и др. собирались въ Москвѣ на поминальную по немъ трапезу.

На стр. 11 и 12-й читаемъ:

„Въ 1808—1809 году мой дѣдъ Евграфъ Федотовичъ отправился въ Парижъ въ сопровожденіи бабушки Елисаветы Егоровны и своего старшаго сына, моего отца, которому тогда было 6 лѣтъ отъ роду. Не

---

*) Это выходцы изъ Тульскаго города Венева. Они сдѣлались старожилыми Воронежа, гдѣ одного изъ нихъ приблизилъ къ себѣ и одарилъ Петръ Великій. Точно также и другіе выходцы сохранили въ своемъ имени названія своей родины: Туляковы изъ Тулы, Болховитиновы изъ Болхова, Тверитиновы изъ Твери. П. Б.

вполнѣ установлено, была ли эта поѣздка предпринята для исполненія секретнаго порученія императора Александра Павловича къ Наполеону I; но извѣстно, что дѣдъ былъ принятъ Наполеономъ и вступилъ въ сношенія съ тогдашними Французскими политическими дѣятелями. Дабы не оставлять моего отца одного во время обязательныхъ выѣздовъ и бабушки, къ нему былъ нанятъ молодой Французъ по имени Пелисье, въ качествѣ такъ-называемаго въ тѣ времена *шенип*, т. е. дядьки, обязанность котораго состояла водить гулять отца по садамъ Парижа и показывать ему все, что могло интересовать ребенка его лѣтъ. Когда снова вспыхнула война 1809 года, дѣдъ мой немедленно долженъ былъ оставить Парижъ, и по усиленной просьбѣ этого самаго Пелисье и привычкѣ къ нему моего отца, рѣшилъ взять съ собою 20-лѣтняго Француза, который и отправился въ путь на козлахъ дорожной кареты. Пелисье подлежалъ набору въ военную службу и могъ быть узнанъ и задержанъ по дорогѣ, занятой уже передвиженіемъ Французскихъ войскъ, но благодаря открытому листу, полученному дѣдомъ отъ Наполеона, дѣло обошлось благополучно, и въ Петербургѣ Пелисье снова вступилъ въ исполненіе обязанностей дядьки при отцѣ. Но вскорѣ дѣдъ мой заподозрилъ ментора въ шпионствѣ и отправилъ его обратно во Францію, гдѣ на этотъ разъ онъ и поступилъ на военную службу. Вторично онъ явился уже въ 1854 году въ чинѣ дивизионнаго генерала, а затѣмъ маршала подъ стѣнами Севастополя. Мнѣ извѣстно, что отецъ мой интересовался тогда, что было общаго между бывшимъ дядькою и Французскимъ маршаломъ и какъ оказалось, это было одно и то же лицо. Какъ потомъ говорилъ отецъ, онъ бы охотно упростилъ вторично дѣда не отпускать Пелисье, только на этотъ разъ уже изъ Россіи“.

Мать графа Н. Е. Комаровскаго Софья Владиміровна—сестра поэта, а братъ ея Алексѣй Владимировичъ женился на графинѣ Аполиніѣ Михайловнѣ Вельгорской *). Домъ и общество ея родителей и дяди подробно и живо изображены въ Запискахъ нашего графа. Сама собою образовалась цѣлая академія музыки и словесности. Въ числѣ второстепенныхъ лицъ былъ тутъ музыкантъ Ленцъ, написавшій для „Русскаго Архива“ 1878 г. „Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ“.

„Въ народѣ заходили слухи о томъ, что Государь не хотѣлъ пережить Севастополя и несчастія своей Россіи. Говорили въ то время, что передъ Зимнимъ дворцомъ собралась громадная толпа народа, требовавшая выдачи ей лейбъ-медика Мандта. Говорили также, что для того, чтобы спасти его отъ ярости народа принуждены были от-

*) См. наши строки о ней въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884, вып. 9-й.

править его тайно за границу“. Все это только городскіе слухи. Въ письмѣ къ своей женѣ Мандтѣ изложилъ подробно, какъ умиралъ Николай Павловичъ („Р. Архивъ“ 1884, I) и позднѣе написалъ о томъ особо („Р. Архивъ“. 1905, II).

Письмо доктора Мандта писано къ его супругѣ, находившейся тогда во Франкфуртѣ на Одерѣ. Записка, понудившая его сказать Государю, что смертный часъ его близокъ, писана графиней А. Д. Блудовой. Благодаря ей, Николай Павловичъ съ такимъ достоинствомъ могъ провести послѣдніе часы жизни. Благодаря той же графини Антонины Дмитриевны и 1-го Марта 1881 года Александръ Николаевичъ успѣлъ приобщиться Святыхъ Таинъ), вопреки врачамъ, говорившимъ, что это только встревожить истекавшаго кровью Государя. Графиня обратилась къ его любимому сыну, великому князю Владимиру Александровичу, и тотъ немедленно послалъ за протоіереемъ Рождественскимъ. Въ большой дворцовой церкви запасныхъ Св. Даровъ не оказалось. Въ малой церкви, на другомъ концѣ дворца, двери были заперты. Пришлось ломать ихъ, и Рождественскій на дрезинѣ привезъ Св. Дары въ комнаты надъ Салтыковскимъ подъездомъ.

„Помнится, какъ при мнѣ рассказывали, что на одномъ изъ вечеровъ въ Михайловскомъ дворцѣ Великая Княгиня Марія Николаевна, находившая повидимому, что вообще сужденія Милютина напоминали собою образъ мыслей извѣстнаго Марата, замѣтила ему: „Я бы желала быть Шарлотой Корде, чтобы покончить съ вами“. „Но въ такомъ случаѣ я долженъ въ присутствіи Вашего Высочества сѣсть въ ванну“, отвѣтилъ, не смутясь, Николай Алексѣевичъ.

„Слышалъ я и знаменитую Бозію, смерть которой въ Петербургѣ въ началѣ 60-хъ годовъ ознаменовала начало студенческихъ беспорядковъ. На ея похоронахъ, въ благодарность за участіе во время ея земного существованія на концертахъ въ пользу студентовъ Петербургскаго Университета, толпа изъ нихъ пожелала распоряжаться ея похоронами и помѣстить на катафалкѣ, у кистей, избранныхъ изъ своей среды депутатовъ. Это произошло на Невскомъ. Не довольствуясь участіемъ въ процессіи, студенты вздумали насильственно снимать шапки у проѣзжающей мимо процессіи посторонней публики, въ числѣ которой оказался между прочимъ графъ Б. А. Перовскій, воспитатель Великихъ Князей. Полиція вынуждена была вмѣшаться. Произошла уличная свалка, и нѣсколько студентовъ было арестовано.

Отецъ мой не любилъ посѣщенія свѣтскихъ вечеровъ и обѣдовъ, предпочитая имъ тѣсный кружокъ ему близкихъ людей. Исключеніе онъ дѣлалъ лишь для графини Антонины Дмитриевны Блудовой, у которой бывалъ иногда, по четвергамъ вечеромъ, для Анастасіи Никола-

евны Мальцовой и трехъ сестеръ Смирновыхъ, у которыхъ бывали обѣды съ видными представителями дипломатическаго корпуса, туда для разговора обыкновенно приглашался отецъ вмѣстѣ съ Тютчевымъ.

Марію, Александру и Елену Осиповну Смирновыхъ знали весь Петербургъ, и они всѣхъ знали. Жили они по сосѣдству съ нами на Михайловской площади, въ домѣ Крылова, стоявшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится еще не застроенное пространство земли, противъ Михайловскаго дворца ¹⁾.

Старшая изъ трехъ сестеръ, Марія Осиповна, носила слѣды когда-то замѣчательной красоты, какъ о томъ гласило преданіе. Я ее помню уже старухой, высокаго роста, царственной осанки, съ большими глазами и правильными чертами лица. Она, казалось, никогда не нагибалась: до того она себя держала прямо и величественно. Какъ и ея сестры, она была очень словоохотлива и любила говорить о впечатлѣніи, производимомъ въ былыя времена ея внѣшностью на безчисленныхъ поклонниковъ. Я никогда собственно не могъ разобратъ, кто особенно былъ ею очарованъ, Императоръ ли Александръ I, или же Армянинъ Лазарь Якимовичъ Лазаревъ, имя котораго связано было почему-то съ легендами о неотразимой красотѣ Маріи Осиповны.

Въ то время, какъ Марія Осиповна Смирнова царила въ своей гостини и принимала за обѣдами чужестранныхъ пословъ и посланниковъ, ея младшая сестра, Александра Осиповна завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ и заказами обѣдовъ, а третья сестра, Елена, поддерживала внѣшнія сношенія семьи со всѣмъ Петербургскимъ свѣтомъ ²⁾. Обѣды и вечера Елена Осиповна постоянно проводила внѣ дома, у своихъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ. Носила она прическу и нарядъ еще временъ Александра I и говорила басомъ, что не совсѣмъ соответствовало ея сердечной добротѣ. Хотя темою ея разговоровъ были всегда пересуды того, что дѣлалось въ свѣтѣ, но въ нихъ не замѣчалось и слѣда злословія или враждебности. Она замѣняла собой свѣтскую Петербургскую газету, самаго поверхностнаго, но всегда доброжелательнаго содержанія.

¹⁾ Эти Смирновы неосторожно ссужали большими деньгами знаменитую мать Митрофанію. Она, не возвративъ денегъ, разорила гостеприимныхъ сестеръ. Тогда Тютчевъ сказалъ про нихъ: *Elles ont perdu à la baisse*, т. е. онѣ потерпѣли отъ пониженія цѣнности денегъ. (*Abaisse*—игуменья; *baisse*—повиженіе цѣнностей на биржѣ). П. Б.

²⁾ Герценъ писалъ въ своемъ знаменитомъ „Колоколѣ“, что сестры Смирновы были не чужды внушеній со стороны существовавшего тогда 3-го Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи, передававшего впоследствии свое дѣлопроизводство въ нынѣшній Департаментъ Полиціи.

Старшая сестра графа Комаровскаго, гр. Анна Егоровна, поступила во фрейлины къ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, и отсюда сближеніе его съ Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ, съ которымъ онъ учился вмѣстѣ, во дни ихъ отрочества. Графъ не рассказываетъ про его дальнѣйшую судьбу; а про отца его читаемъ:

„Ежедневно днемъ мы ѣздили вмѣстѣ съ Николаемъ Константиновичемъ купаться на море, гдѣ на мелкомъ мѣстѣ была устроена купальня. Но когда на пристани былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, онъ забиралъ насъ въ свою купальню, устроенную на значительной глубинѣ, и поочередно бросалъ въ море, чтобы, какъ онъ говорилъ, улыбаясь, изъ насъ не вышли бабы, и чтобы мы приучились сами выбираться изъ опаснаго положенія, которое заключалось въ этомъ случаѣ въ томъ, что приходилось проплыть нѣсколько сажень ранѣе, чѣмъ добраться до берега. При сильномъ волненіи, намъ кидался спасательный кругъ, и кромѣ этого на плоту купальни находился матросъ, всегда готовый, въ случаѣ нужды, придти къ намъ на помощь. Помню, какъ однажды Константинъ Николаевичъ сказалъ мнѣ: „Необходимо умѣть плавать; если бы я этого не умѣлъ, то меня давно бы съѣли рыбы“. При этомъ Великій Князь рассказалъ о несчастіи, бывшемъ съ нимъ близъ Кронштадта, когда утонулъ его адъютантъ князь Голицынъ, сынъ того, что завѣдывалъ Комиссіею прошеній, и онъ самъ, оставаясь безпомощно на водѣ въ продолженіи 5 минутъ, спасся лишь потому, что умѣлъ хорошо плавать. Упомянувъ о Голицынѣ, Константинъ Николаевичъ набожно перекрестился, прибавивъ со вздохомъ: „Какъ мнѣ жаль его бѣднаго! Я его хотѣлъ спасти, но онъ какъ ключъ пошелъ ко дну“.

Великій Князь любилъ иногда участвовать и руководить нашими играми, въ которыхъ онъ всегда старался развивать въ насъ извѣстную самостоятельность и находчивость.

*

Вообще въ обращеніи Великаго Князя Константина Николаевича чувствовалась большая сердечная доброта, которую онъ видимо скрывалъ подъ пріемами нѣкоторой внѣшней суровости, а иногда и рѣзкости.

*

Вотъ какъ графъ описываетъ одну изъ пирушекъ Преображенскаго полка, въ который онъ поступилъ на службу. „Всѣ сидятъ полукругомъ; напротивъ помѣстились Цыгане, которые съ какимъ-то изступленіемъ орутъ: „Когда все пируетъ и блещетъ вокругъ“... Неожиданно ихъ перебиваетъ командиръ полка ¹⁾. Онъ

¹⁾ Князь Аватолій Барятинскій. П. В.

встает со стаканомъ въ рукахъ. Водворяется полная тишина. Всѣ офицеры разомъ встаютъ и застегиваются. „Господа, за здоровье дорогого, родного полка“, слышится громкій, симпатичный голосъ князя; ему отвѣчаютъ громкимъ „ура“. Всѣ стаканы осушаются залпомъ и летятъ, какъ одинъ, вдребезги объ полъ. Старыя Цыганки вьзжать отъ испуга, и изъ сосѣдней комнаты слышатся снова звуки полкового марша: „Знаютъ про насъ Шведы“... Не успѣла замолкнуть музыка, какъ зазвенѣли бубны, и гдѣ-то вблизи раздалась удалая солдатская пѣсня: „Посѣю лебеду на берегу...“ Неудержимо срывается со своихъ мѣсть полковая молодежь и пускается въ родную присядку. „Старики“ подпѣваютъ и хлопаютъ въ ладоши.

Около полуночи командиръ полка уѣхалъ, и его проводилъ дежурный по полку. Виновики торжества, Веловзоръ и Львовъ *), уже безмятежно покоются отъ всѣхъ тревоженій дня на диванахъ, которыми уставлена огромная дежурная комната, а я отъ массы выпитыхъ брудершафтовъ начинаю усматривать нѣкоторые предметы въ двухъ экземплярахъ и постоянно принимать какую-то старую Цыганку за командира полка и почтительно къ ней обращаться со словами: „Ваше сіятельство“. Но кувшинъ холодной воды, вылитый мнѣ на голову, приводитъ меня въ нормальное состояніе.

Между тѣмъ огни тушатся, и посрединѣ залы въ ротномъ котлѣ уже пылаетъ жженка. Надъ пламенемъ на помполахъ лежитъ большой кусокъ сахару, который постоянно обливается коньякомъ и въ растопленномъ видѣ капаетъ въ горячіе коньякъ и Шампанское. Еще тѣснѣе кругомъ пылающаго котла сдвигается семья Преображенцевъ. По командѣ старшаго изъ присутствующихъ сюртуки живо снимаются. Цыгане-пѣвцы удаляются угощаться въ отдѣльное помѣщеніе, а Цыганки разсыпаются между офицерами, какъ стрѣлки по кустамъ. Цыганка Лиза уже не обращаетъ на меня никакого вниманія и лебезитъ со старшими офицерами. Да и мнѣ не до нея. Меня зовутъ для особыхъ порученій мой ротный командиръ, на котораго разъ навсегда была возложена обязанность варенія жженки. Съ растегнутымъ воротникомъ рубашки, подвязанный длиннымъ фартукомъ, съ суповой ложкой на палкѣ въ рукѣ, графъ Николай Петровичъ Клейнмихель съ важностью священнодѣйствуетъ около котла, мѣшая и пробуя варево изъ различныхъ винъ. Его помощники, младшіе въ чинѣ, суетятся около него: одни откупориваютъ бутылки, другіе очищаютъ фрукты, сортируютъ вино и проч. Прислуга въ такихъ случаяхъ уда-

---

*) Николай Николаевичъ, кончившій жванъ директоромъ Московскаго Вдовьяго дома. П. Б.

ляется. Меня Николай Петровичъ держитъ непосредственно при себѣ, преслѣдуя при этомъ, очевидно, педагогическія цѣли, и то и дѣло отдастъ приказанія: „Лей красное. Сладковато. Пустн. мадеры, посуше, да для аромата еще бутылки двѣ Ямайки. Вали фрукты“. Наконецъ жженка приходится ему по вкусу, достаточной крѣпости, и онъ самодовольно произноситъ: „туши“. Помощники вооружаются бутылками и вливаютъ въ котель вторую дюжину, но уже замороженнаго Шампанскаго. Жженка готова и разливается въ стаканы, которые по офицерскимъ группамъ разносятъ Цыганки. „Знай, Комарь, что во время жженки не принято выражать восторга битьемъ посуды“, на всякій случай, поучаетъ меня, какъ новичка, Николай Петровичъ“.

Веловзоръ и Львовъ, успѣвшіе отойти, уже сидятъ среди товарищей, какъ встрепанные, и дружеская бесѣда, какъ нишутъ въ газетныхъ отчетахъ, „затянулась далеко за полночь“. Ну ужъ и бесѣда!..

У помощниковъ Клейнмихеля давно руки устали наливать, а Цыганки такъ и лѣзутъ съ пустыми стаканами, точно на водопоѣ. Стихійное веселье въ полномъ разгарѣ, душа гуляетъ нараспашку; но все чинно, безъ какого-либо намека на непристойность.

Въ концѣ веселой товарищеской пирушки Веловзоръ и Львовъ поднимаются на руки бывшими товарищами, выносятся наружу и торжественно обносятся почему-то вокругъ небольшого находившагося въ то время передъ главнымъ входомъ круглаго садика.

Музыка на крыльцѣ играла похоронный маршъ Шопена. Всѣ поютъ: „Прощай, прощай, мой генераль...“

Приведенныя выдержки свидѣтельствуютъ о занимательности Записокъ графа Н. Е. Комаровскаго. П. Б.

